

ПИСАТЕЛИ И ВЛАСТИ

WRITERS AND POWER

УДК 821.111

DOI: 10.31249/chel/2022.03.04

Красавченко Т.Н.

ЛИТЕРАТОР И ВЛАСТЬ: БРИТАНСКАЯ МАТРИЦА (от XVI к XXI в.)

*Институт научной информации по общественным наукам, РАН,
Москва, Россия, tatianakras@mail.ru*

Аннотация. В XVI–XVII вв., в период золотого века британской литературы, авторитарная власть неизбежно конфликтовала с литераторами как личностями свободомыслящими. Политическая турбулентность в XVII в., порожденная борьбой короля и парламента, расколола общество и литературу (на аристократов и пуритан). После укрепления конституционной монархии с конца XVII в. политическая жизнь сконцентрировалась в парламенте, литература заняла особую нишу. В связи с возобладанием пуританских принципов в жизни общества власть стали беспокоить нарушения моральных норм «британской цивилизации» (случай Д.Г. Лоуренса). Стабильная национальная культурная матрица сложилась ко второй половине XX в.: британскому истеблишменту и общественному менталитету свойственны особая способность к принятию, нейтрализации оппозиционных идей, интеграции их в существующие, общепринятые системы мысли с сохранением легкого флера оппозиции, чтобы бутылка диссидентства любых форм не взорвалась, будучи закупоренной; таким образом, крайности в современной литературе находят выход, но конфликтов не возникает.

Ключевые слова: абсолютизм и литератор; литератор в условиях конституционной монархии; К. Марло; Б. Джонсон; Дж. Милтон, Э. Марвелл; Дж. Беньян; Дж. Свифт; Д.Г. Лоуренс; современная культурная матрица отношения власти к литературе; Й. Макьюэн.

Поступила: 09.05.2022

Принята к печати: 14.06.2022

**Krasavchenko T.N.
Writer and power: British matrix
(from the sixteenth to the twenty-first century)**

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
the Russian Academy of Sciences, Moscow, tatianakras@mail.ru*

Abstract. In the sixteenth – beginning of the seventeenth centuries, during the Golden age in British literature, authoritarian power inevitably clashed with writers as freethinking individuals. Political turbulence in the seventeenth century as a result of the long struggle between the kings and parliament, splits the society and writers (puritans against aristocrats). Since the end of the seventeenth century a constitutional monarchy was firmly established in the country, political life concentrated in the parliament, literature got a special niche. Since puritan principles prevailed in the life of society, authorities began to worry about the violations of the moral norms of the “British civilization” (the case of D.H. Lawrence). A stable national cultural matrix formed by the second half of the twentieth century: British establishment and public mentality are characterized by a specific, capacious ability to accept, assimilate, neutralize oppositional ideas, to include them in the commonly accepted systems of thought keeping a slight sense of opposition, so that the bottle of dissidence of any form didn’t explode while corked. Thus, extremes in contemporary literature find a way out and there are no evident conflicts.

Keywords: absolutism and a writer; a writer under a constitutional monarchy; C. Marlowe; B. Jonson; J. Milton, A. Marvell; J. Bunyan; J. Swift; D.H. Lawrence; contemporary matrix of power attitude to writers; Ian McEwan.

Received: 09.05.2022

Accepted: 14.06.2022

Рассмотрим, каким было в Англии отношение власти к литераторам в разные эпохи, начиная с XVI в. – времени правления Елизаветы I Тюдор (1558–1603), расцвета эпохи Возрождения в стране, ознаменованного великими географическими открытиями и колонизацией Америки, гуманистическим мировоззрением, антропоцентризмом, индивидуализмом, войной с католической Испанией (1585–1604) и консолидацией англичан как протестантской нации. Власть в этот период была сосредоточена в руках Елизаветы, ее Тайного совета и существовавшей при них тайной полиции. Парламент еще не играл значительной роли в общественной жизни страны, его члены «подавали голос», но Елизавета, опытный дипломат, обходила неудобные для нее «требования». Идеология власти в елизаветинское время основывалась на постулатах о незыблемости монархии и англиканства.

Елизаветинская эпоха известна как золотой век английской поэзии и драматургии, однако именно в это время произошел один из самых жестоких, страшных и роковых по последствиям для английской культуры конфликтов между властью и художником – гениальным реформатором елизаветинской драмы Кристофером Марло (1564–1593), заложившим основы ее поэтики: он заменил рифмованный стих белым, сконцентрировал действие вокруг героя нового типа – масштабной титанической личности. Как заметил российский исследователь А.К. Дживелегов, «Не будь драм Марло – не было бы естественной связи между старой драматургией и Шекспиром» [Дживелегов, 1943, с. 362].

Биография Марло свидетельствует об относительной единственности елизаветинских социальных лифтов: сын кентерберийского сапожника, он получил хорошее образование: изучал латынь, основы греческого, стихосложение в местной школе, а в марте 1581 г. как стипендиат кентерберийского архиепископа Мэтью Паркера поступил в престижный Кембриджский университет (колледж Тела Христова). Судя по всему, предполагалось, что он станет священником, но по типу личности – жизнелюбивый, яркий, жаждавший приключений – он явно не подходил для этого. Важную, если не роковую, роль в его судьбе сыграла дружба в университете с Томасом Уолсингемом, племянником члена Тайного совета Фрэнсиса Уолсингема (ок. 1532–1590), начальника разведки и контрразведки Елизаветы; по его поручению Марло нередко покидал Кембридж: в частности, ездил во Францию, где собирали данные о британском католическом подполье, враждебном протестантскому режиму Елизаветы. Усердия к учению он не проявлял (хотя именно в университетские годы перевел Овидия и Лукана, т.е. освоил античную классику), и Совет университета хотел отказать ему в присвоении степени магистра, но благодаря покровительству Ф. Уолсингема он ее получил (1587) и отправился в Лондон, где стал писать для театра. Как справедливо заметил Л.Е. Пинский, именно Марло сделал елизаветинскую драму «подлинно ренессансной»: в его трагедиях впервые ощущается атмосфера эпохи, породившей «могучую и свободную личность, бунтарски опрокидывающую все авторитеты и властно осуществляющую свою волю» [Пинский, 2002, с. 132]. Марло – автор трагедий «Тамерлан Великий» (1587–1588), «Трагическая история доктора

«Фауста» (1588–1589); «Мальтийский еврей» (1589); «Эдуард II» (1592); «Парижская резня» (1593). Если его предшественники потрясали зрителей нагромождением в трагедиях кровавых ужасов, то в его пьесах главное – центральный образ как средоточие идей. Марло внес в трагедию большие общественные смыслы, его герои – Тамерлан, Фауст, Варрава – бунтари, свободные, уверенные в себе люди, которые не боятся ни людей, ни богов, таким был и сам Марло. В прологе к «Мальтийскому еврею» он вложил в уста Макиавелли (хорошо известного в Англии) крамольные для того времени слова:

Религию считаю я игрушкой
И утверждаю: нет греха, есть глупость. <...>
Что говорить о праве на корону?
И Цезарь сам на власть имел ли право?
Трон силой утверждается, закон,
Как у Дракона, крепок только кровью.
Кто крепко держит власть, тот дольше правит,
Чем то указано условьем грамот
(пер. В. Рождественского) [Марло, 1961, с. 281].

Судя по этому монологу Макиавелли, Марло здраво оценивал власть и религию. Знакомство с «кухней власти» – делами Тайного совета, возможно, и привело его к тому, что он не имел иллюзий относительно ее «божественного происхождения». Критическое отношение к власти и религии встречается и у других елизаветинских литераторов (Р. Грина, Дж. Чапмена, У. Шекспира), но у Марло оно особенно резкое и откровенное. Он одним из первых ощущил кризис гуманистических идеалов. Не случайно в «Мальтийском еврее» протагонист служит «золотому тельцу», как и «христианнейшие» пуритане, постепенно все более громко заявлявшие о себе в ту эпоху.

Марло был не одинок в своих неортодоксальных взглядах. Он был участником кружка (иногда именуемого «Школой атеизма») сэра Уолтера Рэйли (1552–1618), поэта, ученого, историка, фаворита Елизаветы I, интересовавшегося религиозной философией (он собирал тогда материал для трактатов «Душа» – *The Soul* и «Скептик» – *The Sceptic*) и склонного к вольнодумству и атеизму. В кружок Рэйли входили математики Томас Гарриот, Уолтер Уорнер, Роберт Хьюз, поэты Уильям Уорнер, Мэтью Ройден, не скрывавшие о себе в ту эпоху.

вавший своих республиканских взглядов драматург Джордж Чапмен, образованный эскуайр Ричард Чомли и др. За этим, «самым радикальным гуманистическим кружком елизаветинской Англии», следила тайная полиция, «регулярно получавшая донесения на его членов как на “атеистов” и “заговорщиков”, бунтарей, намеревающихся “ниспровергнуть бога”» [Пинский, 2002, с. 133–134]. Обвинение в атеизме в те времена было равнозначно обвинению в государственной измене: после того, как Парламент в 1534 г. по инициативе короля Генриха VIII принял «Акт о супрематии» и провозгласил его главой церкви Англии, выступление против церкви расценивалось как выступление против монархии. Многие из друзей Рэйли подверглись преследованиям (Гарриоту пришлось уехать в Америку, Ройдену – в Шотландию, Чомли попал в тюрьму), но самого Рэйли – как фаворита королевы – не трогали. Марло находился под особым подозрением: ему приписывали «опасные мысли» – сомнение в незыблемости монархии и религии.

Роковое событие произошло весной 1593 г. Рост цен на продовольствие (в котором народ счел виновными иностранцев – фланандцев, приглашенных правительством для работы на текстильных мануфактурах) вызвал волнения: погром продовольственных лавок, складов, а заодно и публичных домов. Появились прокламации – полиция стала искать их авторов. Начались обыски у литераторов, и у драматурга Томаса Кида нашли рукопись трактата, в котором оспаривался догмат о троичности Бога. Кид заявил, что тот попал к нему от Марло, с которого тут же взяли подписку о явке на заседание Тайного совета для дачи показаний. Но давать их Марло не пришлось. Он жил тогда недалеко от Лондона, в Чизлгерсте, имении кузена покойного сэра Фрэнсиса Уолсингема – сэра Томаса Уолсингема, также влиятельной фигуры в тайной полиции. Видимо, он все знал о Марло и, возможно, несмотря на давние отношения поэта с семьей Уолсингемов, опасался его, считая непредсказуемым, неуправляемым. Под началом Т. Уолсингема работал провокатор, тайный агент правительства Роберт Полей (ок. 1558 – после 1602). Ему было поручено устраниТЬ Марло. 30 мая Полей вернулся из очередной шпионской поездки за границу (в Гаагу) и в тот же день с двумя подручными (вором Николасом Скирсом, бывшим агентом полиции, и неким Ингрэмом Фризером, не менее темной личностью) нашел Марло в Дептфорде

близ Гринвича. Они завлекли его в трактир, где он провел с ними целый день. Согласно официальному отчету, вечером возникла ссора (видимо, инспирированная) из-за счета, и Фризер убил Марло, нанеся ему сильный удар ножом в лицо над правым глазом. «Это было самое настоящее полицейское, провокаторское убийство. Там не было ничего похожего на романическую интригу, которую придумали пуритане, подхватил Фрэнсис Мерес и обработал потом Людвиг Тик в своей новелле о Марло «Жизнь поэта», это «была настоящая политическая ловушка, устроенная человеку, ставшему неудобным. На суде все трое соучастников единодушно показали, что Марло сам начал ссору и что Фризер прибег к законной самозащите. Других свидетелей не было. Суд поспешил оправдать убийцу, а чтобы у него не было неприятностей в дальнейшем, кто-то добился для него полного помилования у Елизаветы» [Дживелегов, 1943, с. 366]. Очевидно, что смерть Марло устраивала членов Тайного совета, она вызвала и ликование врагов лондонских театров – пуритан, которым не нравилось вольнодумство драматурга.

Вскоре обстоятельства гибели Марло стали широко известны. Трагически погибшего поэта ценил Шекспир. Только его из всех елизаветинцев он счел достойным упоминания: в комедии «Как вам это понравится» (1599) пастушка Феба, влюбившаяся в переодетую юношескую Розалинду, говорит (акт III, действие 5): «Теперь, пастух умерший, / Мне смысл глубокий слов твоих открылся: / «Тот не любил, кто сразу не влюбился»» (пер. Т. Щепкиной-Куперник) [Шекспир, 1959, Т. 5, с. 75]. Марло назван пастухом из-за своего широко известного стихотворения «Страстный пастух своей возлюбленной», а Феба цитирует поэму Марло «Геро и Леандр» – ею тогда все зачитывались. Но еще раньше в том же акте (действие 3) шут Оселок произносит: «Когда твоих стихов не понимают или когда уму твоему не вторит резвое дитя – разумение, это убивает тебя сильнее, чем большой счет, поданный маленькой компании» (пер. Т. Щепкиной-Куперник) [Шекспир, 1959, Т. 5, с. 66–67]. В переводе несколько смягчено, в оригинале: «it strikes a man more dead than a great reckoning in a little room» [Shakespeare, 1933, p. 223]; «great reckoning» обычно переводят на русский как «большой счет», но тут возможен и иной подтекст – то, что произошло на самом деле в «маленькой комнате» трактира – «боль-

шая расплата», с Марло «свели счеты»: «это скорее убьет человека, чем расплата по-крупному в маленькой компании». У Шекспира явно свое мнение о причине гибели поэта, и он высказывает его не прямо (что, вероятно, было тогда небезопасно), а завуалированно.

Мнения современных биографов поэта разделились: одни из них (меньшинство) считают официальный отчет правдивым (С.В. Kuriyama, A.J. Downie), но большинство убеждены: это было спланированное убийство (С. Breight, M.J. Trow, C. Nicholl, R. Kendall, P. Honan). По одной из версий члены Тайного совета боялись, что Марло на допросе назовет имена именитых елизаветинских вельмож, высказывавшихся вольнодумно. Немало и других версий, но точно установить причины убийства и кто стоял за ним до сих пор не удалось.

Марло был не единственным из елизаветинских драматургов, у которого были конфликты с властью. В 1597 г., в последнюю неделю июля, труппа «Люди Пембрука» поставила в театре «Лебедь» сатирическую пьесу «Собачий остров» (*The Isle of dogs*). Ее авторами были Бен Джонсон и Томас Нэш, друг Марло с университетских времен. Пьеса стала театральной сенсацией, но ее быстро запретили. Ныне содержание ее достоверно неизвестно: не сохранился ни один ее экземпляр. Известно, что она вызвала гнев королевы Елизаветы. На Собачьем острове, находившемся близ Лондона, в Гринвиче – в районе Темзы, в королевском дворце располагалась поварня Елизаветы (отсюда название места) и собирался ее Тайный Совет. Существует предположение, что в пьесе были сатирически изображены чуть ли не сама королева или ее советники как комнатные собачки [Riggs, 1989, p. 32]. Возможно, в пьесе обыгрывалась и репутация района как болотистого места, где располагались канализационные стоки. Что бы там ни было, но Ричард Топклифф, бдительный член парламента, сообщил влиятельному министру Елизаветы, лорду-казначею Роберту Сесилу о пьесе, и тот поведал о ней на заседании Тайного Совета 28 июля. Джонсона обвинили в непристойности и бунтарстве, и он оказался в тюрьме Маршалси (1373–1842), куда обычно помещали обвиненных в крамоле (а также должников, вспомним «Крошку Доррит» Диккенса). Дом Нэша обыскали, изъяли его бумаги, но сам он успел скрыться. В камеру к Джонсону подсадили двух агентов – уже известного Р. Полея и информатора по кличке Попугай. Джонсон

назвал их «проклятыми негодяями» и позднее написал стихотворение (*Epigram 59, Of spies*, 1616), прославлявшее жизнь без шпионов-соглядатаев и содержавшее слова «чтоб рядом не было Полея и Попугая» [цит. по: Honan, 2005, р. 366]. В октябре Джонсона выпустили.

В начале августа 1605 г. вызвала скандал поставленная в одном из лондонских театров пьеса Джорджа Чапмена, Бена Джонсона и Джона Марстона «Эй, к востоку» (*Eastward Ho*) – сатира на лондонские нравы, а также на шотландцев, наводнивших двор Якова I (1566–1625), занявшего английский трон после смерти Елизаветы в 1603 г. Король Яков, принадлежавший к шотландской династии Стюартов и правивший Англией и Шотландией как суверенными государствами (Великобритания как единое королевство оформленось в 1707 г.), был оскорблен. Чапмена и Джонсона посадили в тюрьму, им намеревались отрезать нос и уши [Donaldson, 2011, р. 172, 206–214]. Марстона в Лондоне не было, и он тюрьмы избежал. Джонсон и Чапмен обратились к влиятельным придворным и даже к королю Якову с просьбой освободить их. Существенно способствовал их освобождению в ноябре 1605 г. лорд Обинни: через Роберта Сесила, оставшегося министром и при Якове, он передал крупную сумму денег фавориту короля – сэру Джеймсу Мюррею, который подвергся особым нападкам в пьесе [ibid., р. 268, 329].

Яков I вошел в историю как один из самых образованных людей своего времени: он писал стихи на латыни и шотландском, знал древнегреческий, в его время расцвет культуры, начавшийся при Елизавете, продолжался, хотя стали заметны некоторые признаки надвигающегося кризиса, надлома. Под его патронажем был сделан перевод Библии, известный как Библия короля Якова (*The Authorized King James version*, 1611), считающийся шедевром якобитской прозы, – им пользуются до сих пор [Croft, 2003, р. 157]. При нем философ, историк Фрэнсис Бэкон занимал в правительстве пост лорда-канцлера.

Однако все это не помешало Якову I проявить себя монархом-самодуром. Он возненавидел фаворита Елизаветы, мореплавателя, поэта и автора «Истории мира» Уолтера Рэйли, и в июле 1603 г. тот был арестован по сфабрикованному обвинению в заговоре против короля и посажен в Тауэр, а в 1618 г. несправедливо,

бессмысленно (как считали и тогда, и ныне) по приказу короля его казнили (отрубили голову) [Trevelyan, 2002, p. 552].

Авторитарная королевская власть воздействовала на литераторов посредством не только репрессий, но и навязчивого покровительства. Яков I, будучи почти маниакально религиозным, сыграл важную роль в судьбе Джона Донна. Донн был поэтом ярким, талантливым, жизнелюбивым, в его любовной поэзии многое ренессансного, но жил он уже в другое время. В этот исторический период религиозная принадлежность человека стала существенным образом влиять на его судьбу. Родители Джона, католики, не раз подвергались преследованиям властей. И сам он, учившийся в Оксфордском и Кембриджском университетах, не получил ученой степени из-за ограничений, введенных для католиков. Учебу он продолжил в адвокатской школе (барристеров) Линкольнс-Инн. Будучи подвижным и деятельным, в конце 1590-х он путешествовал по Европе, участвовал в военных экспедициях Уолтера Рэйли и графа Эссекса в Кадис и на Азорские острова, жил в Италии и Испании. Вернувшись в Англию, он работал секретарем влиятельного придворного, хранителя королевской печати сэра Томаса Эджертона и тайно женился (1601) на его племяннице Анн Мор; разгневанный Эджертон добился заключения его во Флитскую тюрьму в Лондоне. Выйдя из нее, Донн занялся ради заработка адвокатурой, дважды избирался членом парламента (1601, 1614), помогал епископу-протестанту Томасу Мортону писать антикатолические памфлеты (когда около 1597 г. перешел в протестантизм). Но несмотря на свою профессиональную активность, Донн едва сводил концы с концами, семья его бедствовала, и покровители пытались найти ему доходную светскую должность. Однако король Яков отклонял все просьбы об этом, он обратил внимание на полемический дар Донна и решил, что тот должен стать проповедником. И в январе 1615 г. по приказу короля Донн, не желавший становиться священником, т.е. фактически против своей воли, был рукоположен в сан англиканского диакона, а затем – священника [Durant & Durant, 1961, p. 154]; в ноябре 1621 г. Яков I сделал его (пожизненно) настоятелем собора Святого Павла в Лондоне (престижная и хорошо оплачиваемая должность). И хотя Донн известен прежде всего как поэт, однако большая часть его наследия – проповеди, которые со временем становились все более мрачными.

При Якове I началось постепенно нарастающее противостояние между парламентом и королем, который за время своего правления (1603–1625) трижды распускал парламент. Разногласия в основном были, как казалось, не политического, а экономического характера, вызванные попытками парламента контролировать и ограничивать доходы и расходы короля, а также требованием ужесточить законы против католиков.

Сын Якова I Карл I унаследовал от отца веру в божественное право королей и презрение к парламенту; конфликт между королем и парламентом, сконцентрировавший в себе социально-политические и религиозные разногласия, привел к революции (1642–1660) и гражданской войне, победе парламента, казни короля 30 января 1649 г. и упразднению монархии.

Революция определила жизнь и творчество Джона Милтона, республиканца, пуританина. К приятию ее идеалов его подготовили семья, воспитание и круг общения. Отец Милтона перешел из традиционного в его семье католицизма в протестантизм. Учителем Джона в детстве был приглашенный его родителями Томас Янг, шотландский пресвитерианин, пробудивший у мальчика интерес к радикальным религиозным идеям. Во время учебы в Кембриджеском университете (1625–1629) Милтон дружил с англо-американским теологом и диссидентом Роджером Уильямсом, пуританским священником, одним из первых сторонников свободы вероисповедания и секуляризма. С мая 1638 до июля или августа 1639 г. Милтон путешествовал по Европе; в Венеции и Женеве он наблюдал политическую реальность республики. Вернувшись в Англию, он начал писать памфлеты против епископата англиканской церкви с позиций пуритан, требовавших очистить англиканство от остатков католицизма. В конфликте с королем он выступил на стороне парламента, в период гражданской войны защищал республику, право граждан требовать отчета от правителей и косвенно допускал цареубийство. С марта 1649 до 1660 г. он был секретарем Государственного совета республики (вел корреспонденцию с иностранными государствами на латыни и других языках). В октябре 1649 г. в ответ на роялистский памфлет *Eikon Basiliike*, в котором король представлен как христианский мученик, опубликовал памфлет «Иконоборец» (*Eikonoklastes*), где откровенно защищал цареубийство и оправдывал казнь короля Карла I. Через

месяц находящийся во Франции Карл II и его сторонники опубликовали памфлет в защиту монархии *Defensio Regia pro Carolo Primo*, написанный французским ученым Клодом Сомезом (Клаудий Салмасиус). Милтону поручили ответить. Он долго готовился и 24 февраля 1652 г. на латыни вышел его памфлет в защиту английского народа *Defensio pro Populo Anglicano* (известный как «Первая защита»), принесший ему европейскую известность [Cambridge companion to Milton, 1999, p. 239]. В 1654 г. в ответ на анонимный роялистский трактат *Regii Sanguinis Clamor ad Coelum Adversus Parricidas Anglicanos* («Обращение короля к Богу – против английских отцеубийц») Милтон написал «Вторую защиту» английского народа (*Defensio secunda*), в которой он прославлял Кромвеля, главнокомандующего армией парламента и лорда-протектора (1653–1658), призывая его оставаться верным принципам революции. С 1651 г., когда Милтон стал плохо видеть, он диктовал свои тексты помощнику, с 1657 г. им был один из самых ярких поздних поэтов-метафизиков Эндрю Марвелл. После смерти Кромвеля в 1658 г., когда английская республика «затрещала по швам», Милтон выступил с предложениями, как ее сохранить, несмотря на то, что парламент, армия и народ, устав от революции, были настроены уже против нее. Он с горечью проклинал англичан за предательство свободы и защиту авторитарной власти [Lewalski, 1959, p. 192]. В 1660 г. была восстановлена монархия – Карл II вернулся из изгнания, и вскоре вышел приказ об аресте Милтона, а его памфлеты были сожжены. Опасаясь за свою жизнь, он скрывался. После того, как короля убедили издать указ об амнистии всем, кроме тех, кто голосовал за казнь его отца, Милтон вышел из укрытия, однако его арестовали и поместили в тюрьму. За него вступились его влиятельные друзья, прежде всего ставший членом парламента Марвелл, и его быстро выпустили [Marvell, 1995, p. VI].

До конца своих дней Милтон спокойно жил (в основном) в Лондоне и создал свои главные поэтические произведения: грандиозную эпическую поэму «Потерянный рай» (1667), в которой он выразил страсти, чаяния и размах революции, а также поэму «Возвращенный рай» (1671) и трагедию «Самсон-агонист» (1671). Будучи уже совершенно слепым, поэт продиктовал их своим помощникам [См.: Campbell, Corns, 2010]. От своих взглядов

он не отказался, не раскаялся в них, но власть его не трогала – он жил уединенно и к тому же был широко известен в Европе.

Эндрю Марвелл (1621–1678), возможно, был ближе к Кромвелю, чем Милтон. Он написал несколько стихотворений («Горацианская ода», 1650, и др.), в которых восхвалял Кромвеля; в 1653–1657 гг. был наставником его воспитанника Уильяма Даттона, а с 1657 г. работал в республиканском Государственном совете. Тем не менее он избежал наказания после Реставрации, вероятно, потому, что все-таки не был «рупором» республиканской идеологии, как Милтон, а в 1659 г. его избрали в парламент, где (с небольшим перерывом) он до конца своих дней представлял город Халл (Йоркшир), откуда был родом. От антимонархических взглядов он не отказался, но был осторожнее Милтона. Сатирические стихи Марвелла, в которых разоблачалась коррупция при дворе и высмеивались придворные, обычно распространялись в рукописи, лишь некоторые из них были напечатаны, но анонимно (печатать их под именем автора было опасно). Его известная поэма «Последние инструкции художнику» (1667), в которой он откликнулся на поражение Англии во второй англо-голландской войне (1665–1667), содержала инструкцию художнику, как изображать государство, управляемое трусливыми людьми с посредственными умственными способностями, коррумпированный, распущенный двор, нечестных чиновников. Марвелл писал (также анонимно) сатирические произведения в прозе – критиковал монархию, католицизм, защищал пуритан, хотя сам был скорее (особенно к концу жизни) традиционным англиканцем, и называл себя емко – протестантом. Большинство его стихотворений были опубликованы в 1681 г., через три года после его смерти. Умер он внезапно в 1678 г. на собрании своих избирателей в Халле; до этого он чувствовал себя хорошо, поэтому возникло подозрение, что его отравили политические или религиозные враги, хотя прямых доказательств не было [Murgay, 1999].

Пожалуй, особенно пострадал после Реставрации Джон Беньян (1628–1688), который с 16 лет три года участвовал в первой фазе гражданской войны на стороне парламента, потом стал пуританским проповедником нонконформистского толка. В 1660 г. его арестовали, и двенадцать лет он провел в тюрьме, поскольку не согласился отказаться от проповедничества. В тюрьме он начал

работать над своей знаменитой религиозно-аллегорической книгой «Путь паломника» (1678–1684). В 1675 г. он во второй раз оказался в тюрьме на шесть месяцев, вероятно, за отказ посещать приходскую англиканскую церковь.

Как известно, в 1642 г., в начале гражданской войны в Англии, по настоянию пуритан парламент закрыл «дьявольские игрища» – театры. В период Реставрации в 1660 г. при Карле II Стоарте, в основном при его гедонистическом дворе, театр и драма возрождаются, но это уже не общедоступный, общенародный театр, как в елизаветинское время. Придворная остроумная комедия нравов (У. Уичерли, У. Конгрив, Дж. Ванбру, Дж. Фаркер), откровенная любовная поэзия (Дж. Рочестер), эротичные пьесы и любовные романы Афры Бен, влиятельной при дворе, стали вызовом британскому пуританизму. Ханжеские нравы пуритан и – шире – религиозных нонконформистов высмеивались в ироикомической поэме «Гудибрас» (*Hudibras*, 1663–1678) Сэмюэля Батлера, не допущенного ко двору, но близкого к некоторым придворным.

Политическая турбулентность XVII в. сказалась на судьбе и творчестве, пожалуй, главного драматурга, поэта, литературного критика второй половины XVII в. Джона Драйдена (его эпохой называют время с 1660 по 1700 г.). Родом из семьи мелкопоместных дворян, поддерживавших пуритан и парламент, в 1644 г. по королевской стипендии он попал в Вестминстерскую школу, где поощрялись роялизм и приверженность «высокой церкви» англиканства, сохранившей в ритуалах и догматах элементы католицизма. В 1650–1654 гг. он учился в Кембриджском университете – в колледже Троицы, во главе которого стоял пуританский проповедник Томас Хилл. Приехав в Лондон, Драйден стал работать у Джона Тёрлоу, государственного секретаря Кромвеля: на похоронах лорда-протектора 23 ноября 1658 г. он шел рядом с пуританскими поэтами Милтоном и Марвеллом и в 1659 г. опубликовал поэму «Героические стансы» на смерть Кромвеля. А через год, в 1660 г., он приветствовал Реставрацию и возвращение короля Карла II в поэме *Astraea Redux*, панегирике роялизму, характеризовал республику как время хаоса и называл Карла восстановителем мира и порядка. Затем он написал еще два стихотворения во славу новой власти: «Его величеству: панегирик по случаю коронации» (1662) и «Моему лорду-канцлеру» (1662) – Драйден явно искал

высоких покровителей и, пока он их не нашел, ему приходилось зарабатывать литературным трудом (прожить на оставленное отцом наследство было невозможно). Вскоре он стал популярным поэтом, а после открытия театров в 1660 г. прославился как автор трагедий и комедий. В 1667 г. он опубликовал большую эпическую поэму *Annus Mirabilis*, содержавшую описание англо-голландской войны и Большого лондонского пожара 1666 г., а в 1668 г. король объявил его первым поэтом-лауреатом, что сразу решило его материальные проблемы.

В 1685 г. после смерти Карла II на английский трон взошел его младший брат – католик Яков II Стюарт. Драйден, принадлежавший к англиканской церкви, вскоре принял католическую веру, о чем свидетельствовала его поэма «Лань и пантера» (1687). По случаю рождения 10 июня 1688 г. у Якова II наследника он написал поэму *Britannia Rediviva*. Но соотечественники поэта в большинстве своем не считали, что Британия возрождается, им не нравились преследования протестантов, попытка короля насильственно изменить состав парламента в пользу своих сторонников и вернуть Англию в лоно католицизма (парламент, духовенство и народ были против этого). Лидеры двух главных парламентских партий – вигов и тори, договорившись между собой, пригласили на английский трон нидерландского принца Вильгельма Оранского, женатого с 1677 г. на старшей дочери Якова II Марии, протестантке. В ноябре 1688 г. принц Оранский высадился с войсками в Англии, в феврале 1689 г. парламент провозгласил его и Марию королем и королевой Англии. Драйден отказался в 1689 г. присягнуть на верность новым монархам-протестантам и потому лишился звания поэта-лауреата (хотя оно являлось пожизненным), утратив тем самым источник доходов, ему пришлось вновь зарабатывать на жизнь литературным трудом – переводами, прежде всего античной и итальянской классики. Его стойкость на позднем этапе жизни (ему было 58 лет) свидетельствовала о том, что он все-таки не был тем pragmatischen «политическим хамелеоном», каким его иногда называли.

Государственный переворот 1688 г., получивший название «Славная революция», был важнейшим этапом в длительном переходе от абсолютной монархии к конституционной, начавшемся с английской революции. Вековой политический диспут между парламентом и королем завершился. В декабре 1689 г. парламент

принял ставший основой английской конституции «Билль о правах»; в нем были закреплены ограничения прав монарха в пользу парламента, юридически утверждались права человека (в том числе свобода слова и дебатов в парламенте). Так определились основы стабильного политического устройства страны, совершенствовавшегося в дальнейшем.

Рубеж XVII–XVIII вв. – начало в Британии эпохи Просвещения, исповедовавшей культ разума, меры, здравый смысл, противостоявшей крайностям и страстям предыдущих эпох и ориентированной на преодоление пуританской нетерпимости, экзальтации, чрезмерного аскетизма и необузданного аристократического эпикурейства, на примирение пуританской революции с аристократической реставрацией. Именно в этот период были заложены основы традиционализма и плюрализма английской литературы и – шире – культуры. Истоки этих ее свойств следует искать в страхе перед социальными революциями и их отторжении – после того как британцы испытали их сперва на собственном опыте в XVII в., а потом наблюдали у соседей во Франции. Философ, идеолог британского консерватизма Э. Бёрк в работе «Размышления о революции во Франции» (1790), полемизируя с французскими рационалистами и просветителями, сформулировал кredo консерватизма: уважение к мудрости предков; сохранение моральных традиций, недоверие к радикализму, примат *органично* сформировавшихся в стране структур и ценностей, понимание того, что общество – это организм, у него имманентная логика развития, его нельзя перестраивать, переделывать, как машину, революционеры – люди, отравленные абстрактными теориями, не понимающие сложную природу человека и с наилучшими намерениями создающие схемы, приводящие в жизни к печальным последствиям. Бёрк считал фундаментом общественно-политической жизни плюрализм, что распространялось им на культуру и литературу, при этом плюрализм толковался как взаимодействие всех со всеми, предотвращающее распад благодаря глубинному согласию между людьми в отношении базовых ценностей. Так, в XVIII в. определились этические и эстетические основы английской культуры.

XVIII век был относительно спокойным веком для английских литераторов в их отношениях с властями. Беспокойной была ситуация в Ирландии. В Дублине произошла причинившая много

неприятностей британской власти история с участием Джонатана Свифта. Его судьба была связана с Дублином, где он родился в 1667 г., учился в Дублинском университете, хотя степень магистра получил в Оксфордском университете. Будучи англиканским священником, он надеялся получить церковное назначение в Англии, но королева Анна, последняя из династии Стюартов, невзлюбила Свифта и помешала этому. Она сочла богохульным [Gregg, 1980, р. 352–353] его памфлет «Сказка о бочке» (1704) – притчу о трех братьях: Петре (католичество), Мартине (протестантство) и Джеке (прообраз сект), которым отец завещал три кафтаны с напутствием не изменять их покрой. Сыновья отступили от отцовского завещания и перекроили кафтаны по новой моде. Памфлет можно трактовать по-разному: как утверждение веротерпимости, защиту христианства, не разделенного конфессиональными границами, а можно увидеть в «бочке» аллегорический образ религии – ее бросают в море разъяненному «киту» (народу), чтобы отвлечь его внимание от дел государственных, и тогда памфлет воспринимается как сатира на христианство. Судя по всему, королева остро воспринимала любые проявления того, что ей представлялось потенциальной крамолой.

Друзьям Свифта не без труда удалось в 1713 г. добиться для него места декана (настоятеля) в соборе св. Патрика в Дублине. При короле Георге I (1714–1727) проанглийская палата лордов ирландского парламента в 1720 г. передала британской короне все законодательные функции в Ирландии. Британский кабинет министров, сосредоточивший у себя основную исполнительную власть, сразу же воспользовался этим, предоставив преференции английским товарам [Рак, 1987, с. 13]. Свифт включился в борьбу против английской «метрополии», разорявшей Ирландию, и начал публиковать (анонимно, к чему его обязывал статус) памфлеты в поддержку ирландцев. В памфлете «Предложение о всеобщем использовании ирландских мануфактур» (1720) он писал о том, что Англия, запретив деятельность мануфактур в Ирландии, превратила ее в свой сырьевой призрак. Затем вышли сенсационные семь «Писем суконщика» (1724–1725), призывающие к бойкоту английских товаров и неполновесной английской монеты. Английское правительство даровало дельцу Уильяму Вуду монополию на чеканку медных монет для Ирландии, и «суконщик» разоблачил

его план нагреть руки на выпуске неполноценных монет с пониженным содержанием меди. Четвертое письмо суконщика, по сути, содержало декларацию прав ирландцев: «Всякое управление без согласия управляемых – это настояще рабство <...>. По законам Бога, природы, государства, и по вашим собственным законам вы можете и должны быть такими же свободными людьми, как ваши братья в Англии» [Муравьев, 1968, с. 189]. Резонанс был по-всеместным и оглушительным. Чтобы успокоить ирландцев, Лондон срочно – в 1724 г. – назначил нового наместника – лорда Джона Картерета. Он объявил о вознаграждении в 300 фунтов (по тем временам немалая сумма) тому, кто назовет имя автора «Писем». В Ирландии все его знали (когда Свифт после одной из поездок в Англию вернулся в Дублин, его встречали с плакатами «Добро пожаловать домой, суконщик»), при этом вознаграждение так и осталось невостребованным. Под суд отдали Джона Хардинга – издателя «Писем», однако присяжные его оправдали и не признали «Письма» бунтарскими. Премьер-министр Британии Роберт Уолпол предложил Картерету арестовать «подстрекателя», но тот объяснил, что для этого нужно десять тысяч солдат [Рак, 1987, с. 5]. В результате общего протesta против чеканки недоброкачественных (фактически фальшивых) монет патент Вуда в сентябре 1725 г. был аннулирован и монеты изъяли из обращения. Власть предпочла пойти и на некоторые экономические уступки. Трудно поверить в то, что лондонские и тем более местные власти, учитывая их агентурные сети, не знали, кто был автором «Писем», но они явно предпочли «спустить все на тормозах».

С этого времени англиканский декан Свифт стал национальным героем и неофициальным лидером Ирландии, которая сама по себе была преимущественно католической. Современник отмечает: «Его портреты были выставлены на всех улицах Дублина <...> Всюду, где бы он ни появлялся, его сопровождали приветствия и благословения» [цит. по: Dennis, 1965, р. 134]. Был создан «Клуб суконщика», существующий по сей день. А в ответ на продолжавшееся экономическое давление лондонской власти Свифт из своих средств создал фонд помощи дублинцам, которым грозило разорение, при этом он не делал различия между англиканцами и католиками. Еще один скандал в Англии и Ирландии вызвал его гротескный памфлет «Скромное предложение» (1729), содержавший из-

девательский совет: если мы не в состоянии прокормить детей ирландских бедняков, обрекая их на нищету и голод, «давайте лучше продавать их на мясо, а из кожи делать перчатки» [Свифт, 1987, с. 347]. В 1729 г. Свифту присвоили звание почетного гражданина Дублина.

В 1720-е годы Свифт работал над «Путешествиями Гулливера» и в 1726 г. отвез завершенную рукопись в Лондон своим давним друзьям – крупнейшему поэту первой половины XVIII в., сатирику Александру Поупу, поэту и драматургу Джона Гю и сатирику Джону Арбетноту; они помогли ему анонимно опубликовать книгу в ноябре 1726 г., и она сразу стала сенсацией, трижды переиздаваясь в 1726 г., а в 1727 г. ее перевели на французский, немецкий, голландский. Это была уникальная книга, не укладывавшаяся в жанровые рамки романа XVIII в.: ее сюжет не концентрировался вокруг частной жизни, это была, скорее, «сатирическая эпопея» [Пинский, 2002, с. 447], перекликавшаяся с памфлетами Свифта. В ней воплотились его политический опыт, трагическое миросощущение и особенно ярко талант прирожденного сатирика, сознававшего порочность устоеv общества. Л.Е. Пинский справедливо назвал Свифта «самым политическим писателем в Англии», занимающим особое место в британской литературе [Пинский, 2002, с. 454]. Однако негативной реакции на книгу со стороны властей не последовало: вероятно, она не была слишком «конкретной», не задевала непосредственно никого из властей имущих; она выходила далеко за пределы своего времени и недаром была любимой книгой другого политического писателя – Джорджа Оруэлла, ставшего великим писателем в том числе и потому, что он в своем творчестве продолжил традиции Свифта.

В викторианскую эпоху (1837–1901), когда Великобритания обрела статус великой колониальной державы и сформировался миф о «британской цивилизации», статус литературы был высок, она формировала общественное мнение, служила генератором идей сохранения стабильности и порядка в обществе, укрепляла авторитет дома, семьи, нормы поведения и морали, ее ценила королева. В XIX в. самые знаменитые викторианские писатели – Диккенс и Теккерей – писали в духе того направления, которое в России получило название «критического реализма», но острые социальные критики, содержащиеся в их прозе, не вызывала наре-

каний властей, считавших ее полезной; литература открывала клапан для выхода накапливавшегося недовольства социальной ситуацией в стране. Опасавшиеся возможной угрозы со стороны как революционно настроенных соседей (Франции, Германии), так и находящихся на расстоянии США и Италии, власти сознавали необходимость сокращения дистанции между высшими, средними и низшими слоями общества и проведения некоторых реформ.

Правда, у Диккенса были другие проблемы, связанные с его личной жизнью: в 1857 г., когда ему было 45 лет, он влюбился в восемнадцатилетнюю актрису Эллен Тернан и любил ее до конца своих дней [Ackroyd, 1990, р. 788–799]. С женой Кэтрин он расстался в 1858 г., но официальный развод с нею по нормам викторианской морали был немыслим для столь известного человека, как Диккенс.

Очевидно, что с XIX в. критерии «крамолы» в британском обществе меняются. К разряду табуированных тем относятся уже не острые религиозные вопросы и не социальная критика; теперь в соответствии с возобладавшей в обществе пуританской этикой социальную опасность видят в нарушении принятых в обществе моральных норм, затрагивающих прежде всего сферы брака, личных отношений и особенно сексуальной жизни.

Эти табу сохраняются и в XX в. Пожалуй, больше всех от произвола власти пострадал Д.Г. Лоуренс (1885–1930). В сентябре 1915 г., во время I Мировой войны, когда он с женой Фридой жил на корнуоллском побережье в деревушке Зеннор, вышел его роман «Радуга». А в ноябре корнуоллский магистрат, сославшись на «Закон о непристойности и порнографии», принятый британским парламентом в 1857 г., запретил его и распорядился уничтожить весь тираж, хотя в романе не было ни одного непристойного слова или порнографического эпизода. В нем описывалась жизнь трех поколений семьи фермеров из Ноттингемшира. Центральный персонаж – дочь (третье поколение) Урсула, девушка неординарная, стремилась стать кем-то большим, чем простая домохозяйка. Вероятно, цензорам показалась неприемлемой тема любовного влечения Урсулы к женщине. «Радуга» и ее продолжение – законченный писателем в 1917 г. роман «Влюбленные женщины» (также запрещенный, правда, лишь на некоторое время) – были необычны для того периода. Когда вопрос о запрете романа «Радуга» обсуждался в

Палате общин, в зале воцарилось тяжелое молчание [Cloudhury, 2010, p. 27–28]. Дело было не только и не столько в суждениях о политике, главное – в романе ставились под сомнение традиционные представления о гендере, браке, сексуальном опыте, искусстве, т.е. затрагивались основы бытия британского общества. Возможно, откровенное (в неподходящий для этого момента) презрение Лоуренса к милитаризму и немецкое происхождение его жены Фриды также вызывали подозрение, что могло способствовать и запрету романа [Worthen, 2005, p. 164].

Лоуренс стал одиозной фигурой для британского истеблишмента. В конце 1917 г. дело дошло до подозрений в шпионаже – его обвинили в подаче сигналов немецким подводным лодкам, и писателя уведомили о том, что согласно «Закону о защите королевства» (*Defence of the Realm Act*) он должен в трехдневный срок покинуть Корнуолл. И они с Фридой были вынуждены переезжать из графства в графство, пока после войны, с ноября 1919 г., не началась их добровольная эмиграция. Так, талантливый писатель – радикальный критик современной цивилизации, стремившийся к возрождению изначального единства человека с природой, к примирению души и тела, установлению гармонии между мужчиной и женщиной, обращавшийся к подсознательному, инстинктивному, интуитивному, – оказался не ко двору в родной стране и был фактически выдворен из нее.

Лоуренс жил в Италии, Мексике, Австралии. Во время пребывания во Флоренции в 1928 г. он написал и опубликовал (с купюрами) роман «Любовник леди Чаттерлей», запрещенный в Британии из-за «непристойности». В романе были откровенно описаны сексуальные отношения между мужчиной и женщиной: Лоуренс не подчинился наложенному в Британии табу на эту тему, отверг привычное отношение к сексу как к чему-то темному, постыдному, увидел в нем, наоборот, нечто яркое и чистое. А кроме того, Лоуренс нарушил принятые в британском обществе нормы, связанные с социальной иерархией: описал роман аристократки и лесника, выходца из рабочей среды, что в ту пору, когда большинство британцев жило еще по нормам викторианской морали, шокировало читателя. В Британии у Лоуренса долго сохранялась репутация порнографа, который напрасно растратил свой значительный литературный талант.

Только в 1960 г. британское издательство «Пингвин» выпустило, наконец, полное, без купюр издание романа «Любовник леди Чаттерлей». На издательство подали в суд. Но к 1960 г. ситуация кардинально изменилась. В 1950-е годы Общество авторов (профсоюз профессиональных писателей, литературных переводчиков, книжных графиков, созданный ими в 1884 г. для защиты своих прав и интересов) сформировало комитет, куда вошли литераторы и юристы. Комитет подготовил новый проект закона о «непристойных публикациях», и в феврале 1955 г. его передали в министерство внутренних дел Великобритании. Потребовалось четыре года, чтобы после ряда доработок новый «Закон о публикации непристойных произведений» (*Obscene Publication Act, 1959*) был, наконец, представлен парламенту депутатом Роем Дженкинсом, получил королевское одобрение 29 июля 1959 г. и в том же году с 29 августа начал действовать. Он существенно реформировал закон 1857 г., не учитывавший художественную специфику и общественную пользу произведений, признанных непристойными. Судебный процесс против издательства «Пингвин» (20 октября – 2 ноября 1960 г.), на котором впервые был применен новый закон, стал важным общественным событием. «Любовник леди Чаттерлей» содержал откровенные сексуальные сцены, ненормативную лексику (слова *fuck, cunt*) и «шокирующую» сюжетную линию. До завершения судебного процесса роман был запрещен в Англии и Уэльсе. На этом процессе защита впервые получила возможность пригласить литературных экспертов: известного писателя Э.М. Форстера и авторитетного литературоведа Хелен Гарднер, высоко оценивших эстетические достоинства романа. Процесс, проходивший в Лондоне – в центральном уголовном суде Британии Old Bailey, завершился вердиктом «не виновен». Таким образом, была разрешена – впервые с 1928 г. – публикация и продажа романа в Англии и Уэльсе [Rozenberg, 1987, p. 57]. К середине 1980-х годов роман был включен в школьные программы [*ibid.*, p. 56].

Ныне в литературе Великобритании наблюдается полное этическое и эстетическое многоголосие и практическое отсутствие запретов на какие-либо темы – идет ли речь о нетрадиционной сексуальной ориентации (романы Дж. Уинтерсон и др.) или о сатире на британских политиков. Так, тема «брекзита» – в центре написанной в традициях Ф. Кафки и Дж. Свифта сатирико-

фантастической повести «Таракан» (2019, рус. пер. 2020) Йена Макьюэна – «звезды» современной британской литературы (наряду с Джюлианом Барнсом и Мартином Эмисом). Макьюэн создал пародии на премьер-министров Британии – Дэвида Камерона (2010–2016), Терезу Мэй (2016–2019) и Бориса Джонсона (2019–2022). Герой повести таракан, проснувшись утром, обнаруживает, что стал премьер-министром Великобритании, его министры – тоже бывшие тараканы; они осуществляют новый поворот в стране: теперь люди будут платить за работу, получать деньги за покупки, импортеры – платить Британии, а она – оплачивать свой экспорт – такова новая теория полной занятости и национального обновления, адекватная абсурду «брексита»; придумать его, по мнению писателя, могла только клика мерзких, лживых тараканов, демагогически обыгрывающих идеи патриотизма и возрождения величия нации. По российским социокультурным параметрам это очень смелая повесть, но в Британии она принимается как должное и ее публикация ничем автору не грозит.

В стране сложилась особая, четкая система взаимодействия различных форм деятельности в рамках британской культуры, понимаемой в широком смысле как образ жизни нации. Эта система основана на «консервативной толерантности», признании плюрализма мнений, и у литературы в этой системе своя ниша, очень почетная, но только ниша – литераторы могут писать что угодно, это может производить то или иное впечатление на читателей, иметь успех, но не может стать национальной повесткой дня, разве что через парламент, который в сложившейся системе является авансценой национальной политической жизни.

Список литературы

- Дживелегов А.К. Марло // История английской литературы / под ред. И.И. Анисимова, А.А. Елистратовой, А.Ф. Иващенко. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1943. – Т. 1. – С. 362–379.
- Марло К. Сочинения. – Москва : Гос. издат. худ. литературы, 1961. – 663 с.
- Муравьев В.С. Джонатан Свифт. – Москва : Просвещение, 1968. – 304 с.
- Пинский Л.Е. Ренессанс. Барокко. Просвещение : Статьи. Лекции. – Москва : РГГУ, 2002. – 829 с.
- Рак В.Д. Предисловие // Свифт Дж. Избранное. – Ленинград : Худож. лит., 1987. – С. 5–23.
- Свифт Дж. Избранное. – Ленинград : Худож. лит., 1987. – 446 с.

- Шекспир У. Как вам это понравится // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. – Москва : Искусство, 1959. – Т. 5. – С. 5–112.
- Ackroyd P. Dickens. – London : Sinclair-Stevenson, 1990. – 1195 p.
- Cambridge companion to Milton / ed. by Danielson D.R. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1999. – 297 p.
- Campbell G., Corns T. John Milton : life, work and thought. – Oxford : Oxford univ. press, 2010. – 488 p.
- Cloudhury S.L. The hand of the law : Lawrence and censorship // Études Lawrenceennes. – 2010. – N41. – P. 27–41. – URL: <https://journals.openedition.org/lawrence/141> (Date of access: 06.05.2022).
- Croft P. King James. – Basingstoke ; New York : Palgrave Macmillan, 2003. – 214 p.
- Dennis N. Jonathan Swift : a short character. – London : Weidenfeld and Nicolson, 1965. – 160 p.
- Donaldson I. Ben Jonson : a life. – Oxford : Oxford univ. press, 2011. – 533 p.
- Durant W., Durant A. The Age of reason begins : a history of European civilization in the period of Shakespeare, Bacon, Montaigne, Rembrandt, Galileo, and Descartes, 1558–1648. – New York : Simon and Schuster, 1961. – 729 p.
- Honan P. Christopher Marlowe : poet & spy. – Oxford : Oxford univ. press, 2005. – 421 p.
- Gregg E. Queen Anne. – New Haven : Yale univ. press, 1980. – 512 p.
- Lewalski B. Milton : political beliefs and polemical methods, 1659–1660. – PMLA, 1959. – Vol. 74, N 3. – P. 191–202.
- Marvell A. The works. – Ware (Hertfordshire) : Wordsworth editions, 1995. – IX, 208 p.
- Murray N. World enough and time : the life of Andrew Marvell. – New York : Little, Brown and Co., 1999. – 304 p.
- Riggs D. Ben Jonson : a life. – Cambridge (Mass.) : Harvard univ. press, 1989. – 340 p.
- Rozenberg J. The case for the Crown : the inside story of the director of public prosecutions. – Wellingborough : Equation, 1987. – 206 p.
- Shakespeare W. As you like it // Shakespeare W. The complete works of William Shakespeare. – Cleveland : The World Syndicate publishing company, 1933. – P. 209–233.
- Trevelyan R. Sir Walter Raleigh. – London : Allen Lane, 2002. – 621 p.
- Worthen J. D.H. Lawrence : the life of an outsider. – London : Allen Lane, 2005. – 518 p.

References

- Dzivelegov, A.K. (1943). Marlowe. In I.I. Anisimov, A.A. Elistratova & A.F. Ivashchenko (Eds.), *Istoriya angliiskoy literatury* (Vol. 1, pp. 362–379). Moscow–Leningrad: AN USSR.
- Marlowe, C. (1961). *Sochineniya*. Moscow: Gosizdat khudozhestvennoy literaturi.
- Muraviov, V.S. (1968). *Jonathan Swift*. Moscow: Prosvesheniye.
- Pinskiy, L.E. (2002). *Renessans. Barokko. Prosvesheniye: Statii. Lektsii*. Moscow: RGGU.

- Rak, V.D. (1987). *Predisloviye*. In J. Swift, *Izbrannoye* (pp. 5–23). Leningrad: Khu-dozhestvennaya literatura.
- Swift, J. (1987). *Izbrannoe*. Leningrad: Khudozh. lit.
- Shakespeare, W. (1959). Kak vam eto ponravitsia. In W. Shakespeare, *Polnoye so-braniye sochineniy v 8 tomah*. (Vol. 5, pp. 5–12). Moscow: Iskusstvo.
- Ackroyd, P. (1990). *Dickens*. London: Sinclair-Stevenson.
- Danielson, D.R. (Ed.). (1999). Cambridge companion to Milton. Cambridge: CUP.
- Campbell, G., & Corns, T. (2010). *John Milton: Life, work and thought*. Oxford: OUP.
- Cloudbury, S.L. (2010). The Hand of the Law: Lawrence and Censorship. *Études Law-renciennes*, (41), 27–41. Retrieved from <https://journals.openedition.org/lawrence/141>
- Croft, P. (2003). *King James*. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan.
- Dennis, N. (1965). *Jonathan Swift: A Short character*. London: Weidenfeld a. Nicolson.
- Donaldson, I. (2011). *Ben Jonson: A Life*. Oxford: OUP.
- Durant, W., Durant, A. (1961). *The Age of reason begins: a history of European civilization in the period of Shakespeare, Bacon, Montaigne, Rembrandt, Galileo, and Descartes, 1558–1648*. New York: Simon and Schuster.
- Honan, P. (2005). *Christopher Marlowe: poet & spy*. Oxford: OUP.
- Gregg, E. (1980). *Queen Anne*. New Haven: Yale Univ. press.
- Lewalski, B. (1959). Milton: Political beliefs and polemical methods, 1659–1660. *PMLA*, 74(3), p. 191–202.
- Marvell, A. (1995). *The Works*. Ware, Hertfordshire: Wordsworth editions.
- Murray, N. (1999). *World enough and time: The Life of Andrew Marvell*. N.Y.: Little, Brown and Co.
- Riggs, D. (1989). *Ben Jonson: A Life*. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press.
- Rozenberg, J. (1987). *The Case for the Crown: The inside story of the director of public prosecutions*. Wellingborough: Equation.
- Shakespeare, W. (1933). As you like it. In W. Shakespeare, *The complete works of William Shakespeare* (pp. 209–233). Cleveland: The World Syndicate publishing company.
- Trevelyan, R. (2002). *Sir Walter Raleigh*. London: Allen Lane.
- Worthen, J. (2005). *D.H. Lawrence: The Life of an outsider*. London: Allen Lane.